Писатели мира о Горьком

Когда радио разнесло по всему миру скорбную весть о смерти Горького, невольной минутой молчания ответило человечество, склонив голову в знак великого уважения к гениальному художнику слова.

«Я лишь один из миллионов, для которых смерть Горького — величайшая потеря человечества со времени смерти Ленина», — писал Ромэн Роллан, который так нежно любит Горького. Любит «юношеский огонь, сверкающий энтузиазм, с каким он говорил о новом мире, в создании которого он участвовал». Любит его за его великую доброту; за то, что он «был первым из величайших художников слова, расчищавшим путь для пролетарской революции». За то, что он «отдал свой широкий ум и свою безграничную доброту советскому правительству, которое его глубоко уважало и вожди которого были его личными друзьями».

«Ни один великий писатель не играл более высокой роли» — вот вывод Р. Роллана о значении Горького для литературы нашей страны, для мировой литературы.

«Чтение «Матери» явилось для меня в дни юности потрясающим откровением, — пишет Андре Виоллис.—Я нашла там нечто иное и большее, чем страдальческую жалость Толстого или болезненный и издевающийся бунт Достоевского. Там было пламенное чувство братства, которое в минуту смертельной опасности об'единяет как молодых людей, так и мужчин и женщин всех возрастов и всех классов, борющихся за хлеб, за мир и свободу... В этой книге было все, что дало возможность осуществиться революции 17-го года,—вся надежда человечества как вчерашнего, так и завтрашнего дня. Разве может когда-нибудь умереть человек, написавший такую книгу?»

Люк Дюртен ценит Горького за то, что он помогал действиями новому миру. В «удивительной судьбе русского романа... Горький представляет своеобразный период перехода от прежних тем, критикующих и отрицающих, к темам созидательным, вдохновляющим новую советскую литературу».

«В юности мира, — говорил Андре Шамсон, — будут еще более интенсивно жить герои человеческого освобождения, которых великий писатель оставил на нашем пути». «Он был великий человек, писатель нищеты и надежды. Такого больше нет», — писал Поль Низан.

Жан Кассу говорил об особенном волнении от ухода Горького «в тот час, когда Советы своей новой Конституцией доказали, что их эмансипация — несомненный факт и что им нечего опасаться».

«Горький умер, — писал Жан Ришар Блок, — вы знаете, что значит это имя. Это не только автор величайших произведений. Он также является героическим примером рабочего-пролетария, «бродяги», поднявшегося одной только силой своего гения, мощью воображения, воли к вершинам самообладания и творческого достоинства. И, наконец, он остался верен пролетариату, революции—этому образу возрождающегося человечества, которое он носил в себе».

Когда просматриваешь внимательно все многочисленные высказывания писателей и других деятелей искусства, то ясно видишь, что имя Горького сплачивает ряды тех, кто не хочет войны, кому дороги великие достижения культуры, кому дорога страна Советов.

Широчайший отклик нашли слова лучшей героической женщины Испании Долорес Ибаррури (Пасионария): «Он был одним из наших, человеком нашей партии». «Максим Горький вышел из недр народа и никогда не предавал интересы своего класса... Он прошел весь «крестный путь» горечи своего народа... Вместе с ним сумел он подняться от величайших глубин векового рабства и дойти до вершин социализма... Это был чудесный гений художественного творчества. Он был неутомимым в работе. И все это он отдал делу освобождения человечества, делу коммунизма».

Много писали о Горьком в связи с его смертью в США. «Стих героический голос ведущего революционного писателя всего мира, — писал Джозеф Фримен. — Горький принадлежал не только своей стране. Он был любимым поэтом международного пролетариата. Он соединил литературу с жизнью, знание с действием, чувство с борьбой и твердо направил богатые и разнообразные грани своего гения к великой цели нашей эры — к созданию социалистического общества».

Писатель Шервуд Андерсен так определяет значение Горького для современных писателей всех стран: «Кто из нас не был под влиянием работ этого человека, его человечности, его таланта? Он настоящий отец всего современного творчества». «Не могу себе представить лучшей участи для гения, —писал Уолдо Фрэнк, — чем видеть осуществление своих заветных желаний. Мы все должны продолжать плодотворную работу, которой Горький отдал свои огромные силы».

Лучшим памятником Горькому является усиление борьбы за социализм (Майкл Голд).

Английские писатели тоже широко откликнулись на смерть Горького, начиная с Бернарда Шоу и Герберта Уэллса до молодежи. Один из представителей писательской молодежи, Ральф Фокс, пишет: «Максим Горький — друг Ленина и Сталина— был не только величайшим писателем нашего времени». Автор подчеркивает, что М. Горький умел сочетать плодотворную литературную деятельность с напряженной революционной работой.

В другом месте Горького называют «первым великим пролетарским писателем, первым писателем, выразившим тоску, устремления, страдания и затаенное негодование своего класса в то время, когда этот класс впервые увидел путь к победе».

Мих. АПЛЕТИН.

На путях к фронту

Отрывок из четвертого тома повести «Жизнь Клима Самгина», выпускаемого Гослитиздатом

Часа три до Боровичей он (Самгин) качался в удобном, на мягких рессорах тарантасе, в Боровичи попал как раз к поезду, а в Новгороде повторилось, но еще более сгущенно, испытанное им.

В буфете, занятом офицерами, маленький старичок официант, бритый, с лицом католического монаха, нашел Самгину место в углу за столом, прикрытым лавровым деревом, две трети стола были заняты колонками тарелок, на свободном пространстве поставил прибор; делая это, он сказал, что поезд в Ригу опаздывает и неизвестно когда придет, станция загромождена эшелонами сибирских солдат, спешно отправляемых на фронт, задержали два санитарных поезда в Петрогр[illegible]

— А тут еще беженцы из [illegible]льши толкутся...

— Знает, что говорит члену Союза городов,— отметил Самгин и спросил:

— Беспорядок?

— Сами в себе запутались, — тяжело глядеть,— сказал старичок.

Обычный шум мирной работы ножей и вилок звучал по-новому, включая в себя воинственный лязг ножен сабель. За окнами, на перроне, пела, ревела и крякала медь оркестра, музыку разрывали пронзительные свистки маневровых паровозов, тревожные сигналы стрелочников, где-то близко гудела солдатская песня. Офицерство, туго связанное ремнями портупей, вело себя размашисто и очень крикливо. Было много женщин и цветов, стреляли бутылки шампанского, за большим столом посредине ресторана стоял человек во фраке, с раздвоенной бородой, высоколобый, лысый, и высоко, почти над головою держа бокал вина, говорил что-то. До Самгина долетали только отдельные слова:

— Наша ошибка... Не следовало... И мы в 71 году могли... И вместо группы маленьких государств — получили Германию.

— Ус-спокойся, папаша! — кричал молодой звонкий голос.— Воз-звратим пруссаков в первобытное состояние. За нашу армию — ур-ра!

Ура кричали охотно, хотя и нестройно. Кто-то предложил:

— Здоровье его величества...

— Отставить!

— Па-ачему?

— Кто это смел?

— В кабаке не место славить государя!

— Верно!

— Нет, позвольте...

Блаженно улыбаясь, к лавровому дереву подошел маленький, тощий офицер и начал отламывать ветку лавра. Весь он был новенький, на нем блестели ремни, пряжки, сияли большие глаза. Смуглое, остроносое лицо с маленькой черной бородкой заставило Самгина подумать:

— Д'Артаньян.

Он был сильно пьян, покачивался, руки его действовали неверно, ветка не отрывалась,—тогда он стал вытаскивать саблю из ножен. Самгин встал со стула, сообразив, что если воин начнет пилить или рубить лавр... Самгин поспешно шагнул прочь, остановился у окна. Подбежал старичок официант:

— Позвольте я ножичком...

Офицер, улыбаясь, посмотрел на него, пробормотал:

— Ишел прочь!—взмахнул саблей, покачнулся назад и рубнул дерево,—отлетело несколько листьев, сабля ударила по тарелкам на столе.

С бока Клима Ивановича что-то рявкнуло и зарычало, он взглянул в окно, отделенные от него только стеклами двойных рам, за окном корчились, страшно гримасничая, бородатые зубастые лица. Сабля офицера не испугала его, но эти два лица заставили вздрогнуть. Вот их уже не два, а пять, десять и больше. Оскаливая зубы, невероятно быстро умножались они. Двое рассказывают, взмахивая руками, возбуждают неслышный смех группы тесно прижавшихся друг к другу серых, точно булыжник, бесформенных людей. Они все плотнее наваливаются на окно, могут выдавить стекла, вломиться в ресторан.

Какие-то секунды Самгин чувствовал себя в состоянии, близком обмороку. Ему даже показалось, что он слышит ревущий нечеловеческий смех и что смех погасил медный вой и покрякивание труб оркестра, свист паровоза, сигналы стрелочников.

Два дородных жандарма вели рубаку, их сопровождал толстый офицер, старичок, собирая осколки тарелок, рассказывал ворчливо:

— Каждый день что-нибудь эдакое вытворяют. Это — второй сегодня, одного тоже отвели в комендатуру: забрался в дамскую уборную и начал женщинам показывать свою особенность.

— Кофе дайте мне, кофе, — попросил Самгин, искоса поглядывая на окно, стирая платком пот с лица и шеи.

За большим столом военные и штатские люди, мужчины и женщины, стоя, с бокалами в руках, запели «Боже царя храни», отчаянно громко и оглушая друг друга, должно быть не слыша, что поют неверно, фальшиво. Неистовое пение оборвалось на словах «сильной державы», кто-то пронзительно закричал:

— Как вы смеете сомневаться в силе императорской армии?

— Следует занавешивать окна,— сказал Самгин, когда старик подал ему кофе.

— Занавеси взяли для госпиталя. А, конечно, следует. Солдатам водки не дают, а офицера, извольте видеть... Ведь не одним шампанским питаются, употребляют напитки и покрепче...

Самгин искоса посматривал на окно. Солдат на перроне меньше, но человека три стояло вплоть к стеклам, теперь их неясные, расплывшиеся лица неподвижны, но все-таки сохраняют что-то жуткое от безмолвного смеха, только что искажавшего их.

М. Горький о Льве Толстом

...Толстой, как художник, романист воистину велик и заслуженно славен. Основной темой художественного творчества Толстого является такая задача: как найти в хаотической русской жизни удобное место хорошему русскому барину Нехлюдову? Иными словами — граф Толстой ищет в жизни место для графа Толстого, ибо Нехлюдов, Левин, Иртеньев, Оленин, — все это портреты автора, все это этапы его духовного развития.

...Почти все художественное творчество Толстого сводится к единой теме: найти для князя Нехлюдова место на земле, хорошее место, с которого вся жизнь мира представлялась бы ему гармонией, а он сам себе — красивейшим и величайшим человеком мира.

Увлечение Генри Джорджем, народным образованием и все иные бесчисленные увлечения и отрицания Толстого — есть лишь частные случаи стремления пристроить к русской жизни хорошего русского барина, последнего представителя вымирающего дворянства, — или вернее — той части дворянства, которое явилось у нас родоначальником и творцом культуры.

Задача эта не так мала, какой она кажется, нет, это задача огромная: она требует, чтобы все лучшие качества данного класса были отражены «как солнце в малой капле воды» в одном лице, и чтобы это лицо прошло по всем путям русской жизни, столкнулось со всеми ее явлениями.

Эта огромная работа последнего и действительного аристократа русской литературы выполнена им с изумительной силой и полнотой; 60 лет ходил по России князь Нехлюдов — заглядывая всюду: в деревню и сельскую школу, в Вяземскую лавру и за границу, в тюрьмы, этапы, в кабинеты министров, в канцелярии губернаторов, в избы, на постоялые дворы и в гостинные аристократических дам.

60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и вся, он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература. Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается, как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век — и книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением, его книги — документальное изложение всех исканий, которые предприняла в XIX век личность, сильная в целях найти себе в истории России место и дело. Мы не должны останавливаться на выводах Толстого, на его грубо-тенденциозной проповеди пассивизма, — мы знаем, что эта проповедь — в конечных выводах своих глубоко реакционна, знаем, что она была способна причинить вред и причинила даже — все это так! Но — за всем этим остаются широко написанные, живые и яркие картины русской жизни во всех ее слоях, остаются глубоко взятые, изумительно просто и правдиво рассказанные человеческие жизни, душевные переживания — и эта работа имеет цену неоспоримую, она— колоссальна, она — есть нечто, чем мы имеем право гордиться, что может научить нас уважать человека, понимать жизнь и безбоязненно думать о всех вопросах. Толстой глубоко национален, он с изумительною полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики: в нем есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора летописца, в нем горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и умен, как Герцен — Толстой это целый мир. Человек глубоко правдивый, он еще потому ценен для нас, что все его художественные произведения, написанные со страшной, почти чудесной силой — все его романы и повести — в корне отрицают его религиозную философию.

Действительность, живой процесс, постоянно текучий, изменяющийся, этот процесс всегда и шире, и глубже всех возможных обобщений.

Он часто бывал грубо-тенденциозен в своих попытках подтвердить выводы свои непосредственно взятой действительностью, но — действительность указывала направление, единственно достойное человека — к активизму, к непосредственному вмешательству в жизнь человеческой воли и разума.

Толстой видел это — и сам осмеивал эти свои попытки, но осмеяв их, снова принимался за то же, т. е. желал обработать действительность в интересах своей тенденции.

Лично Толстой всегда стремился отделить себя от всех людей, встать над ними — это естественное побуждение человека, который знает, что именно он является личностью, завершающей целый период истории своей страны, личностью, которая воплощает в себе все, до чего доработался за сто лет его коллектив, его класс. Он, конечно, должен был отказаться от боевых тенденций своего класса, ибо класс этот кончил свою роль и разлагается, тенденции его — мертвы, реакционны. Толстой осудил их судом строгим, словами резкими — и поставил на место их идею христианского анархизма. Мы не вправе требовать от него бо́льшего, сообразив, как длинен и труден пройденный им путь, мы увидим, что этот человек сделал поистине огромное дело: дал итог пережитого за целый век и дал его с изумительной правдивостью, силой и красотой.

Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком.

О РОМАНТИЗМЕ

...Романтики определяли роль личности в мире так: личность — абсолютно свободна, психика ее развивается совершенно независимо от условий внешних, личность является наиболее глубоким и полным выражением не только временного и преходящего, но—вечного, непоколебимого. Условимся называть этот вид романтизма — **романтизм индивидуалистический,** дабы отделить и не смешивать его с другим, который возникает на почве сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием. Этот вид **романтизма** мы назовем — **социальным** или **романтизмом коллективизма,** этот вид только что зарождается, только что формируется, и вместилищем его мы видим тот класс, который входит в жизнь как проводник социалистической идеи освобождения всего человечества из плена капитализма, как проповедник идеи всемирного братского и свободного труда,— социалистического строя.

Да не смущает вас применение термина романтизма к психологии пролетариат[illegible] термином этим, за неимением друг[illegible] определяю только повышенное, боево[illegible] строение пролетария, вытекающее из [illegible]ния своих сил, из все более усваиваем[illegible] им взгляда на себя, как на хозяина мира и на освободителя человечества.

Само собой разумеется, что пока пролетариат строит свою идеологию — он должен быть строгим реалистом, строящим свои обобщения на фактах действительности, а не извлекающим материал идеологии из души, из опыта индивидуального, как это делают романтики индивидуалисты.

...Романтизм индивидуалистический возник из стремления личности, ощущающей свое одиночество в мире, убедить себя в своих силах, в своей независимости от истории, в возможности для индивидуума руководить жизнью. Романтизм социальный — из сознания личностью связи своей с миром, из сознания бессмертия тех идей, которые являются основными.

Заметки А. М. Горького о Льве Толстом и о романтизме взяты из неизданного курса лекций по истории русской литературы, читанного М. Горьким в 1909 г. в каприйской партийной школе для рабочих.

Издания произведений А. М. Горького

Общий тираж книг А. М. Горького, выпущенных Гослитиздатом в 1936 г., составляет 990 тысяч экземпляров. Всего в этом году вышло в свет 14 книг великого писателя. Такие произведения Горького, как «Мать», «По Руси», «Коновалов», «Мальва», «Детство», «В людях», «Мои университеты», выпущены тиражами в 100 тыс. экземпляров.

Заканчивается печатание двух томов избранных произведений А. М. Горького.

Издан также сборник пьес Горького и отдельными книгами выпущены пьесы «Мещане» и «Васса Железнова».

По плану, намеченному Гослитиздатом, в течение ближайших трех лет будет выпущено 12.735 тысяч экземпляров произведений А. М. Горького.

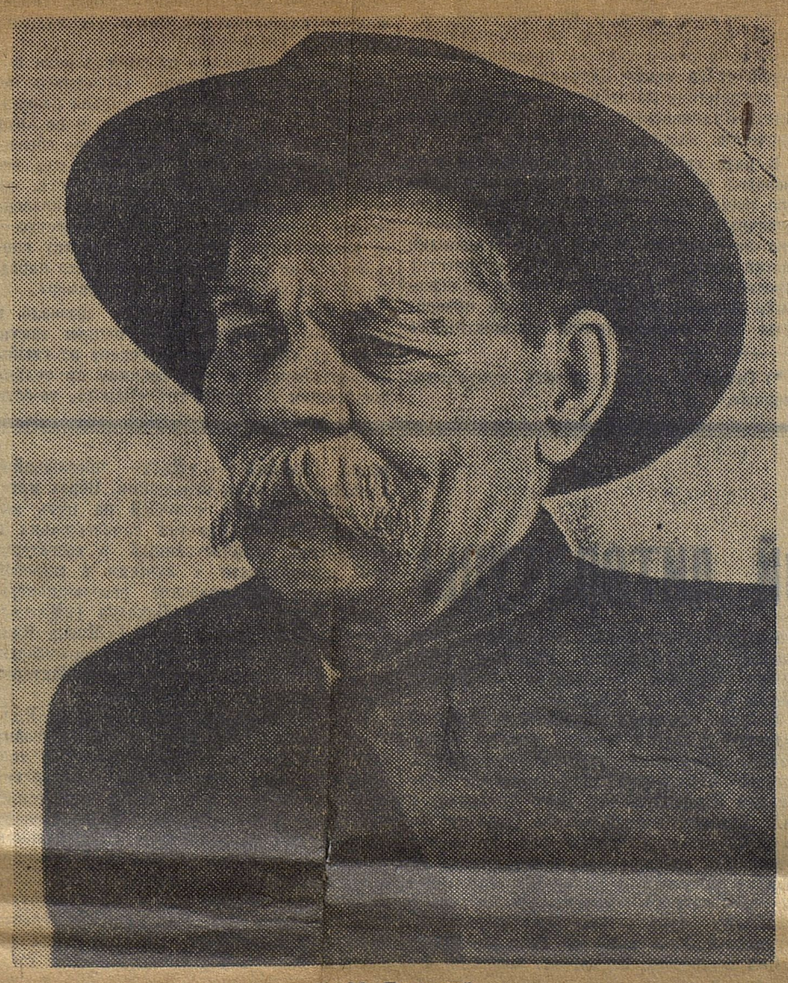
В 1937 году будет издано полное собрание сочинений Горького в 10 томах, серия иллюстрированных романов и многотиражные издания.

Общий тираж произведений А. М. Горького, намеченных к изданию в 1937 г., составляет 1.350 тыс. экземпляров.

В 1938 году намечено выпустить 3.765 тыс. экземпляров произведений великого писателя. В том числе 4 тома полного собрания сочинений, 2 тома вновь собранных произведений, 1 том литературно-критических статей, 2 тома переписки и т. д.

Общий тираж произведений Горького, предположительно намеченный к выпуску в 1939 году, составляет 7.620 тыс. экземпляров. В 1939 году намечено приступить к изданию академического собрания сочинений А. М. Горького в 25 томах. Это издание предполагается продолжить в 1940 и 1941 гг.

Большим событием является выпуск в свет четвертой части повести «Жизнь Клима Самгина». Книга сдана в набор в том варианте, в каком А. М. Горький ее оставил. Четвертая часть «Жизни Клима Самгина» выйдет в январе—феврале 1937 года.



А. М. Горький.

С. МАРШАК

ЧЕЛОВЕК

I

Никто из нас — людей, знавших Горького в продолжение многих лет, — не может и не имеет права причислять себя к тесному кругу его личных знакомых. Этого «круга знакомых» у Горького не было, а если и был, то никогда не замыкался.

Знакомых же у Алексея Максимовича насчитывалось немало. Еще в ранней молодости Горький, как известно, измерил нашу страну вдоль и поперек, а по пути охотно знакомился со всяким встречным и поперечным. Это мы знаем из его книг.

А позже, когда Горький перешел, наконец, к оседлому образу жизни, люди сами устремились к нему таким же бесконечным потоком. До революции они являлись к Алексею Максимовичу чаще всего поодиночке, а в советское время стали навещать его и порознь и целыми коллективами. То соберется у него вся наша экспериментальная медицина, то какая-нибудь редакция в полном составе, то пионерская база, то целый отряд летчиков, то бригада шахтеров из Донецкого бассейна.

Еще необ'ятнее был круг людей, с которыми Горький вел переписку. Я уверен, что из сотни его писем по крайней мере семьдесят или восемьдесят были адресованы незнакомым или мало знакомым людям: автору-новичку, приславшему многопудовую рукопись, профессиональному литератору, который обрадовал или рассердил Горького своей книгой, молодому изобретателю, сельской учительнице, вору, отбывающему наказание в лагерях,—да мало ли еще кому. Когда-нибудь, собранные воедино, эти письма покажут, с каким широким миром был связан великий писатель и замечательный человек, который по складу своего ума и таланта никогда не мог оградить себя тесными рамками личной или домашней жизни.

Письма эти — не пустые автографы, щедро рассылаемые знаменитым литератором, который стремится к увеличению своей популярности. Нет, письма Горького скромны, строги и принципиальны.

Вспомните его письмо к школьникам Заполярья. Это письмо, адресованное детям, говорит всерьез, с большой страстью и силой, о самых заветных мыслях Горького. Лучшему другу не напишешь такого письма.

Призывая ребят «учиться много, серьезно, честно», Горький обращается к ним, как к будущим хозяевам Земли. А Землю эту он рисует так аппетитно, с таким вкусом и любовью, что у читателей не может не возникнуть стремление владеть ею, работать на ней и знать ее.

Ребятам, которые еще ни разу не вышли за пределы Полярного круга, Горький рассказывает обо всех краях и окраинах их необ'ятной родины, о том, какие птицы зимуют в Крыму и какие плоды созревают в Средней Азии...

II

Родину нашу Горький знал отлично. Кажется, нет такого города, нет такого народа или племени в Советском Союзе, о котором он не мог бы рассказать со всеми подробностями быта, истории, хозяйственного уклада.

Он готов был часами говорить о донских или кубанских казаках, об исследователях сибирских рек, о палехских мастерах, о каспийских ловецких промыслах.

Обо всем этом Горький знал не по наслышке. Он точно помнил, когда и при каких обстоятельствах было впервые услышано им какое-нибудь местное слово или пословица, где и когда наблюдал он изготовление тушинского сыра или стеклянных игрушек.

Всем известно, какой необыкновенной памятью обладал Горький. Память эта хранила не только его собственный житейский опыт, но и опыт других людей, заключенный в великом множестве книг. Писателей различных времен, историков, краеведов, путешественников он цитировал наизусть, указывая год издания, нумерацию тома, а иногда и страницы.

Когда случалось видеть Горького в обществе каких-нибудь прославленных на весь мир иностранных литераторов, резко бросалась в глаза одна весьма существенная особенность, которая выгодно отличала Алексея Максимовича от его собратьев. Самые крупные из них, достигшие тех же вершин культуры, что и Горький, значительно уступали ему в том непосредственном знании вещей, которое навсегда остается в руках у бывалого, рабочего человека. Это непосредственное знание вещей — одно из главных условий художественного творчества. Недаром Горький любил повторять, что искусство есть дело рук трудового народа, и неустанно призывал литераторов изучать фольклор.

III

Горький знал и любил вещи. Но человека он знал и любил больше. В суровых статьях, полных ненависти к врагу, в лирических рассказах, в правдивых повестях о грязном мещанском быте,—во всем, что писал Горький, видна глубокая, нежная и мужественная любовь к человеку.

Но в человеке Горький любил далеко не все. Только творческое, живое, созидательное вызывало в нем сочувствие и уважение.

Таков же был Горький и в жизни. Он бывал необыкновенно участлив и беспощадно суров к людям. Давность знакомства с ним никому не давала права рассчитывать на его интерес и внимание.

Для Горького было отнюдь не безразлично, с чем приходят к нему знакомые и незнакомые люди и что у них за душой.

Иного развязного знакомца Алексей Максимович замораживал с первого же слова равнодушным, ледяным и угрюмым взглядом, а человека, которого он видел впервые, встречал иногда, как старого приятеля, если знал за этим человеком какие-нибудь стóящие дела или подозревал в нем наличие живой и своеобразной мысли. Самого застенчивого и косноязычного провинциала Горький умел растормошить, втянуть в беседу.

— Ну-те, ну-те, ну-те,—ласково и поощрительно говорил он, словно обращаясь к ребенку, сделавшему первый шаг.

И если собеседник не обманывал его ожиданий, Горький с восхищением смотрел на него, весь как-то светлел и приговаривал:

— Отлично... Отлично! А не напишете ли вы об этом? Хорошо, если бы написали... Серьезно!

С просьбой написать что-нибудь Алексей Максимович обращался не только к писателям, но и к летчикам, агрономам, педагогам, командирам Красной Армии—ко всем людям, которым есть о чем рассказать.

Пустых людей, как и пустых дел, Горький терпеть не мог.

IV

В одном из писем Леонид Андреев назвал Горького «аскетом».

Это и верно и неверно.

Горький знал цену благам жизни, радовался и солнечному дню, и дыму костра, и пестрому таджикскому халату.

Горький любил жизнь, но умел держать себя в узде и ограничивать свои желания и порывы.

Иной раз Алексея Максимовича могла растрогать до слез какая-нибудь талантливая народная песня, встреча с детьми, веселое шествие физкультурников по Красной площади. Часто на собраниях Горький отворачивался от публики, чтобы скрыть слезы. Но многие из нас помнят, что он не проронил ни слезинки на похоронах своего единственного и очень любимого сына. Мы видели его на другой же день после тяжелой утраты, говорили с ним о повседневных делах и ни разу не слышали от него ни единого слова, в котором проявилась бы скорбь человека, потерявшего на старости лет сына.

Что же это было — глубокое душевное потрясение или черствость?

Тот же Леонид Андреев когда-то бросил Горькому в письме упрек:

«Ты никогда не позволял и не позволяешь быть с тобою откровенным».

Горький ответил ему сурово и резко:

«...Я думаю, что это неверно: лет с шестнадцати и по сей день я живу приемником чужих тайн и мыслей, словно бы некий перст незримый начертал на лбу моем: «здесь свалка мусора». Ох, сколько я знаю и как это трудно забыть.

«Касаться же моей личной жизни я никогда никому не позволял и не намерен позволить. Я — это я, никому нет дела, что у меня болит, если болит. Показывать миру свои царапины, чесать их публично и обливаться гноем, брызгать в глаза людям желчью своей, как это делают многие, и отвратительнее всех делал злой гений наш Федор Достоевский,—это гнусное занятие и вредное, конечно.

«Мы все умрем, мир останется жить...» *).

До конца своих дней Горький сохранил то мужественное отношение к себе и миру, которое он выразил в спокойных и простых словах: «мы все умрем, мир останется жить».

Все его внимание издавна было обращено не на себя, а на мир.

Так мыслить мог только настоящий деятель, воин, революционер, для которого нет и не может быть личного блага вне того дела, за которое он борется. Вот почему он, — счастливый человек, знавший богатство и полноту жизни,—мог казаться суровым аскетом тем людям, которые не понимали содержания его борьбы и работы. Вот почему у него не было просто знакомых и приятелей, а были соратники и сотрудники.

Вся многолетняя, бурная и разнообразная деятельность этого человека была утверждением жизни. Как радовался он победам своей страны, как счастлив был счастьем своего народа!

Даже последние свои дни он жил единым порывом со всей советской страной. В эти дни в Союзе Советов начиналось всенародное обсуждение Сталинской Конституции.

По словам одного из друзей, находившихся в это время у постели умирающего Горького, Алексей Максимович, задыхаясь, сказал:

— Вот мы тут с вами пустяками занимаемся, а ведь теперь в стране камни поют!..

* * *

«Мы все умрем, а мир останется жить!»—сказал Горький.

Мир останется и будет таким, каким всю жизнь мечтал видеть его Алексей Максимович.

И в этом мире будет жить Горький — мастер, воин, революционер.

*) См. переписку М. Горького с Л. Андреевым в сборнике «У Горького». Материалы и исследования. Академия наук СССР.